

Коммунисты всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА СЕВЕРА

орган Архангельского обкома и горкома ВКП(б) и облисполкома

И Ю Л Ь

15

СУББОТА

1939 года

№ 160 (5765)

Адрес: Архангельск,
проспект Сталинских
ударников, 86.

Цена 10 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

В Совнарком Союзу ССР.

Положение в Циндао.

Военные действия в Китае.

Военные приготовления в Данциге.

ВТОРАЯ СТРАНИЦА

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ: Цеховые партийные группы.

Комсомольцы Новой Земли.

Фашистская экспансия на Ближнем Востоке.

Речь товарища М. И. Калинина на вечере, посвященном чествованию учителей-орденоносцев сельских школ, 8 июля 1939 года.

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА

Великий мастер русского слова (35 лет со дня смерти Антона Павловича Чехова).

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА

Сплавщики отвечают на призыв рабочих лесозавода им. Ленина.

Грубые извращения указаний партии и правительства.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. М. ГОРЬКОГО

Однажды он позвал меня к себе в деревню Кучук-Кой, где у него был маленький клочок земли и белый двухэтажный домик. Там, показывая свое «имение», он оживленно заговорил:

— Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных сельских учителей. Знаете, я устроил бы такое светлое здание — очень светлое, с большими окнами и с высокими потолками. У меня была бы прекрасная библиотека, разные музыкальные инструменты, пчельник, огород, фруктовый сад; можно бы читать лекции по агрономии, метеорологии, учителям нужно все знать, батенька, все.

— Вам скучно слушать мои фантазии. А я люблю говорить об этом. Если бы вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель. У нас в России его необходимо поставить в какие-то особые условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича. Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас — это черно-рабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба. А нужно, чтобы он был первым человеком в деревне, чтобы он мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения, чтобы никто не смел орать на него... унижать его личность, как это делают у нас все: урядник, богатый за-

вочник, поп, становой, попечитель школы, старшина, и тот чиновник, который носит звание инспектора школ, но заботится не о лучшей постановке образования, а только о тщательном исполнении циркуляров округа. Нельзя же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете, — воспитывать народ. Нельзя же допускать, чтобы этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, напивал себе к тридцати годам ларингит, ревматизм, туберкулез... ведь это же стыдно нам. Наш учитель восемь—девять месяцев в году живет как отшельник, ему не с кем сказать слова, он тупеет в одиночестве, без книг, без развлечений. А созовет он к себе товарищей, — его обвинят в неблагонадежности, — глупое слово, которым хитрые люди путают дураков... Отвратительно все это... какое-то надевательство над человеком, который делает большую, странно важную работу. Знаете, — когда я вижу учителя, — мне делается неловко перед ним и за его робость, и за то, что он плохо одет, мне кажется, что в этом убожестве учителя и сам я чем-то виноват... серьезно.

Он замолчал, задумался и, махнув рукой, тихо сказал:

— Такая нелепая, неуклюжая страна, — эта наша Россия.

Тень глубокой грусти покрыла его слезные глаза, тонкие лучи морщин окружили их, углубляя его взгляд. Он посмотрел вокруг и пошутил над собой:

— Видите, — целую передовую статью из либеральной газеты я вам закатил. Поищите — чай дам за то, что вы такой терпеливый...